

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 623.718

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Central B.
ArgentinaFRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XI

Buenos Aires, Jueves, 13 de agosto de 1959

Буэнос Айрес, четверг 13 августа 1959 года № 498

Г. Месняев

ВЕХИ

Пятьдесят лет тому назад, вскоре после разгрома, так называемой, первой русской революции, вышел в свет сборник статей под названием “Вехи”, в котором группа видных русских интеллигентов (Булгаков, Бердяев, Карташев, Кистяковский, Струве) попытались определить свойства того недуга, которым была с давних пор поражена русская интеллигенция и который, как показали итоги революции 1904-1905 г. г., завел в тупик и духовно и политически эту интеллигенцию. Самое название, данное выпущенному сборнику, показывало, что участники его имели своей целью поставить на путях русской интеллигентской мысли какие-то новые вехи, взамен тех, которые, в свете только что отшумевших событий, показали всю свою несостоятельность.

Участники сборника “Вехи” считали, что основным пороком русской интеллигенции тех времен являлись ее органическая вражда к идее государственности, ее космополитизм и аредигиозность. Пороки эти, по мысли авторов статей, помещенных в “Вехах”, привели к тому, что русская интеллигенция пошла на поводу у революционеров, оказалась неспособной проявить и поддержать чисто государственную точку зрения и, вследствие своей враждебности к религии и Церкви, оказалась оторванной от своего народа.

Эту мысль о враждебности русской интеллигенции государственной идее и о ее принципиальной безрелигиозности особо выпукло высказал П. Б. Струве, в прошлом марксист и вдохновитель революционного “Союза Освобождения”. После провала первой революции, обнаружившего идейную несостоятельность русской интеллигенции, П. Б. Струве, человек мужественный и правдивый, не побоялся в корне изменить характер своего типично интеллигентского мышления и пойти по путем новым, которые, по его мысли, могли бы предостеречь русских интеллигентов от повторения тех роковых ошибок, которые они совершили в смутные дни 1904-1905 г. г. Он смело писал о том, что “в революционные годы никогда никто с таким бездонным легкомыслием не призывал к величайшим политическим и социальным переменам, как наши революционные партии в дни свободы”.

И, если это было абсолютно верно в применении ко “дням свободы” первой революции, то в 1917 году стало верно вдвойне, ибо тогда не только революционные партии, в тесном значении этого слова, но и самые широкие круги русского общества, по проявленному ими политическому легкомыслию, государственной бездарности и беспомощности, перешли самые крайние пределы.

“Интеллигентская доктрина служения народу, — писал П. Б. Струве, — не предполагала никаких обязанностей у народа... А, так как народ состоит из людей, движимых интересами и инстинктами, то, просочившись в народную среду, интеллигентская идеология должна была дать вовсе не идеалисти-

ческие результаты. Народническая, не говоря уже о марксистской, проповедь в исторической действительности превращалась в разнуздание и деморализацию” (курсив мой. Г. М.).

События и явления революции 1917 года полностью подтвердили всю справедливость приведенных выше слов П. Б. Струве. Пресмыкательство перед толпой, потакание ее низменным инстинктам, соединенное с полным бессилием обуздать их, которые обнаружили русские интеллигенты, составившие Временное Правительство и революционные партии тех дней, — дали в дни революции самые страшные и непоправимые результаты.

Примером демагогического разращения народных масс в те времена, может служить преступная игра революционных партий с крестьянством. Желая всячески залучить его на свою сторону, революционеры не скупилась на самые широкие обещания. Ловким обманом они создали в тогдашнем крестьянстве совершенно ложное убеждение в том, что вся земля в стране будет отдана в собственность мужику. О социализации земли, т. е., об отобрании ее у крестьян, в те дни благозвучно умалчивалось. Крестьяне посчитали, вследствие этого, эс-эров своими подлинными друзьями и во время выборов в Учредительное Собрание отдали свой голос этой партии.

Последние осколки этой злосчастной партии и по сей час гордятся своей победой при выборах в Учредительное Собрание. Они считают, что за всю историю России, подлинно свободными и полноценными выборами были только выборы в Учредительное Собрание. А, между тем, именно они, проходившие в дни общего помрачения умов, общей сумятицы и неразберихи, — должны быть посчитаны самыми порочными из всех народных голосований, ранее бывших. Эс-эры получили крестьянские голоса, обманув русского крестьянина и использовав не только его политическое невежество, но и его простую неграмотность. Чем тут, собственно, гордиться?

Такое бахвальство продолжается и по сию пору и обман, на котором с самого начала, была построена политика революционных партий, преподносится, как нечто высоко демократическое.

Ужасающая пошлость мышления до-революционной передовой интеллигенции, унаследованная ею от завистливых разночинцев и нигилистов шестидесятых годов прошлого века, не могла не отвращать от себя наиболее самостоятельных и независимых людей русского общества. “Чем подлиннее был талант, — писал П. Б. Струве, — тем ненавистнее были ему шоры интеллигентской “общественно-утилитарной морали”, так что силу художественного гения у нас можно было почти безошибочно измерить степенью его ненависти к интеллигенции: достаточно назвать гениальнейших — Л. Толстого и Достоевского, Тютчева и Фета”.

После революции, показавшей с редкою наглядностью совершеннейшее убожество “общественно-утилитарной морали”, которую исповедовали типичные представители интеллигентского племени, — отталкивания вдумчивых, совест-

ливых и боящихся шаблонов людей от упрощенных интеллигентских идей — стало почти всеобщим. Лишь совершенно окостенелые и окаменелые выразители старой интеллигентской мысли, вроде покойной Кусковой и ее еще здравствующих последователей и поклонников, продолжая твердить совершенно затасканные и безжизненные политические лозунги, имевшие хождение во времена давно прошедшие. Духовная некультурность, примитивизм, сектанство, тупая прямолинейность, соединенные с неистребимой и застарелой ненавистью к русскому прошлому и к русской национальной традиции, — еще со времен “Вех” стали отталкивать людей самостоятельной мысли. В наше же время, когда русский народ находится на распутье в поисках новых духовных путей, старые интеллигентские догмы, конечно, уже не могут удовлетворить тех, кто стремится к созданию духовно свободной России.

В том же сборнике “Вехи”, один из его участников, С. Н. Булгаков (тоже в прошлом марксист) писал: “Наше различие правых и левых отличается тем, что оно имеет предметом своим не только разницу политических идеалов, но и, в подавляющем большинстве, разницу мировоззрений и вер”. Другими словами, “правые” и “левые” — это люди не столь разные по политическим взглядам, сколь разные по своим, если можно так сказать, духовным стилям. Стили же эти определяются, подчас трудно уловимыми оттенками в мировоззрениях и верах отдельных групп человеческого общества. С особой ясностью эта разница в духовных стилях, которые проявлялись и прежде (Пушкин и Чаадаев, Достоевский и Тургенев, Столыпин и Милоков и т. д.) сказывается и сейчас, в эмиграции. Часто, например, высказывают удивление по поводу того, что русское Зарубежье расколото на части и неспособно к объединению. В частности, сетуют на то, что православная Церковь делится на две, никак не могущие слиться, юридические. Некоторым наивно полагают, что причина этого церковного разделения зависит лишь от несговорчивости высших иерархов, и, что стоит этим иерархам отказать от всяких властолюбивых помыслов, как сразу исчезнут все наши церковные разделения. Конечно, дело вовсе не в честолюбиях и властолюбиях отдельных лиц. Дело в разности мировоззрений и вер тех людей, которые входят в ту или иную юрисдикцию. И, например, представляя отчетливо духовный стиль, скажем, И. С. Шмелева, нетрудно сказать, какая церковная юрисдикция была ближе всего его духовной сущности. Так же нетрудно догадаться, кого в церковных разногласиях поддерживал, в свое время, Милоков.

Разность вер и мировоззрений у обанкротившихся интеллигентских “отцов” и обманутых “детей”, попавших ныне в социалистическую кабалу, проявляется теперь все явственнее и явственнее. В дальнейшем разнице эта будет проявляться еще ярче и сильнее. Установленные пятьдесят лет тому назад немногими русскими интеллигентами “вехи”, и по сию пору сохраняют свое значение и свой глубокий смысл для русских людей наших дней.

Путь неверия, космополитизма, вражды к своему родному, национальному, по которому так долго шла русская интеллигенция и который так смело и мужественно осудили участники сборника “Вехи”, наглядно оставляется русскими людьми. Еще неуверенно, робко, колеблясь и спотыкаясь, — русские люди и “там” и “здесь” — выходят на широкий путь русского патриотизма, русских традиций и идеалов. На этот

Народно-Монархическое Движение есть единственное в эмиграции политическое движение, которое базируется на исключительно русской почве, не имеет никаких мировых претензий и отрицает всякие мировые рецепты. Оно не приемлемо и не может быть приемлемо для подавляющего большинства эмиграции, ибо эта эмиграция и есть результат в сех предшествующих деяний всех ее руководящих кругов, — правых, может быть, еще в большей степени, чем левых. Народно-Монархическое Движение не есть движение “правое”, как не есть и “левое”, оно строится в ином измерении, не в двухмерном мире, где все поделено на “правое” и “левое”, а в трехмерном — где есть и более высокое и более глубокое. Народно-Монархическое Движение имеет общие точки с правыми, ибо требует мощной Царской Власти, но смыкается и с левыми, ибо имеет в виду свободу и интересы народа, а не сословия или слоя. Но, если “правые” видят в Монархии интересы сословия и слоя, то “левые”, по существу солидаризируясь с “правыми”, видят в монархии “дворянско-помещичий строй”. — следовательно — свободу и интересы народа, принесенные в жертву интересам сословия и слоя. Народно-Монархическое Движение видит в Монархии, — в полном соответствии с историческими фактами и бытия России — единственную исторически проверенную гарантию и свободы, и интересов народных масс страны.

Поэтому Народно-Монархическое Движение считает необходимым установить прежде всего ФАКТЫ. Установление фактов вызовет отращивание в одинаковой степени и “правых”, отождествляющих интересы России с их собственными интересами, и “левых”, видящих в тысячелетней истории сплошное заблуждение, исправить которое призваны немецкая, французская или английская философия.

Ив Солоневич

путь их влечет, как раз, все то, что было так ненавистно многим поколениям русской революционной и окореволуционной интеллигенции. Так, например, все сильнее и настойчивее привлекает их теперь Достоевский (характерен факт распродажи в СССР в один день всего тиража собрания его сочинений) и в такой же степени отвращает от себя Маркс. Не так давно в эмиграции прошла, организованная социалистическими осколками, кампания по дискредитации Достоевского. Статьи в журналах и газетах, доклады, лекции и диспуты на тему: “Маркс и Достоевский” — все это имело целью восстановить в русском сознании давно рассеявшееся обаяние марксова учения. Одновременно поносился “мракобес”, “реакционер” и “антисемит”, Достоевский. Кампания эта решительно и блестяще провалилась. С редким единодушием здоровое большинство русской эмиграции отвергло лукавые попытки вновь навязать ей осужденные жизнью и окончательно провалившиеся жестокие и бездушные догмы марксова учения.

Можно смело утверждать теперь, что возврата на безбожные и космополитические пути — больше не будет. Исконные, освященные в веках наши национальные вехи: вера в Бога, верность престолу и преданность Отечеству — единственно они смогут привести русских людей к достойной и справедливой жизни!

Г. Месняев

4 сего августа, в Буэнос Айресе, скоропостижно скончался

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ КУЗЬМИН

Семья покойного извещает родственников и знакомых о постигшем ее тяжком ударе и приносит сердечную благодарность всем родным и друзьям, своим теплым участием поддерживавшим ее в ее безутешном горе.

Н. Потоцкий

Обзор печати

В своих "Листках из блокнота" М. Коряков в "Новом Русском Слове" от 1-го марта с. г. пишет по адресу русских монархистов: "На новое всегда нужно отвечать чем-то новым, без этого не одержать победы. К несчастью, этого не понимали и все еще не понимают наши русские консерваторы". А потому "правая мысль", т. е. опять-таки мы, монархисты, должны понять, "что на историческую сцену вышли новые силы, которые требуют новых идей и новой тактики". А между тем, как совершенно правильно добавляет Коряков, "консерватизм отнюдь не означает ретроградства. И пора уже перестать чернить консерватизм и реакцию, как это все еще продолжают делать представители "левой мысли". Необходимо переосмысление самого понятия консерватизма и реакции. В свое время, Н. А. Бердяев, обращаясь к левым, писал: "Вы, люди банального и плоского революционного сознания, привыкли употреблять слово "реакция" в поверхностном смысле слова, исключительно отрицательном. Вы противопоставляете "реакцию" всему прогрессивному, творческому, всякому развитию, движению. Для вас реакция есть застой или движение назад, возврат к тому, что было до революции. Это — неправда. В реакции есть иная глубина. Реакция может быть и творческой, в ней может быть и подлинное внутреннее движение к новой жизни. И никогда реакция не возвращается просто к старой жизни. Во всякой духовной реакции на революцию открывается что-то новое, неведомое старому миру, рождаются творческие мысли. Нарождается что-то третье, отличное и от того, что было в революции, и от того, что было до революции". И Коряков задает вопрос: "Найдут ли наши правые это "третье"? Будет ли у нас когда-нибудь здоровый русский консерватизм? Или они так и останутся навеки отупевшими от страха ретроградями?"

Из приведенных цитат совершенно ясно, что ни Коряков, ни Бердяев не читали "Народной Монархии" И. Л. Солоневича и его идеологических статей в "Нашей Стране" и в наших до нее выходивших газетах, и не имели (а Коряков не имеет и ныне) никакого понятия об идейных и тактических установках Народно-Монархического Движения, а если и имели, то дипломатично промолчали. Ибо, при объективном, честном и искреннем отношении к ним они должны были бы признать, что мы являемся именно теми русскими консерваторами, которые исповедуют кон-

серватизм здоровый, творческий, стремящийся к движению вперед, к новой жизни, отличной от той, какая была до революции. Но мы не страшимся скомпрометировать себя в глазах г. г. Коряковых и Бердяевых, когда открыто заявим, что реакционеры и консерваторы в том смысле, что мы стремимся вернуться не к дореволюционным формам русской жизни, а к тем ее идейным и органическим основам, которые составляли духовный и жизненный фундамент национального самосознания нашего народа, и мы будем считать своим долгом консервировать, т. е. сохранять и охранять их от всяких на них покушений на будущих путях русского исторического процесса, передав эту же задачу нашим детям и внукам. Мы приведем только один, но зато самый главный пример понимания нами такого консерватизма.

Русский народ, движимый своим собственным народным духом и своими собственными насущными политическими, социальными, экономическими потребностями, сам, т. е. при добровольном участии всех своих социальных слоев, создал и на протяжении тысячи лет поддерживал монархическую форму верховной власти, с поразительной настойчивостью восстанавливая ее всякий раз, когда она пресекалась, и с удивительным государственным инстинктом остерегаясь свергнуть ее, даже тогда, когда она искажалась в самых своих монархических основах самодержавия и народности. Изучая наше историческое прошлое, мы всем нашим существом ощущаем вековое томление наших предков именно по такому идеалу Монархии, на путях к которому она была бы возможно более полным выражением народных воззрений и чаяний, царством Правды и Справедливости, т. е. их жажду установления Монархии НАРОДНОЙ. Но будучи строгими реалистами, мы не закрываем глаза на то, что даже в те моменты нашей истории, когда сами Монархи наши искренне стремились стать Царями НАРОДНЫМИ, некоторые роковые и болезненные факторы социальной структуры государства мешали их максимальному приближению к этому идеалу — и их собственному, и широким народным массам, как напр., крепостнические тенденции правящего класса при Екатерине, Павле и Александре I, бюрократическое средостение при последующих Царях, окончательное вырождение национального самосознания и у верхушки этого правящего класса, и у громадной большинства нашей интеллигенции в эпоху последнего царствования.

В результате этого объективного изучения фактов и факторов нашего прошлого, мы, монархисты-консерваторы,

считаем своим долгом бороться не за буквальное воспроизведение тех форм Верховной власти и тех ее взаимоотношений с теми или иными социальными классами общества, которые в прошлом всегда были омрачены различными тригическими противоречиями, а за восстановление этой Власти и этих взаимоотношений на основах их максимального приближения к тому идеалу, который ставили себе российские народные массы в процессе своей истории. То "третье", та "новизна", то "творческое стремление к новой жизни" состоит для нашего консерватизма в том, что мы хотим восстановления Российской Монархии на основах ее исторически данного религиозно-нравственного миросозерцания, ее народности в смысле ответственности этого миросозерцания с таковым же широким народным масс, но с беспощадным отбрасыванием всех тех форм во взаимоотношениях между Царской Властью и народом, которые отжили свой век, а потому их реставрация была бы именно той "реакцией" и тем "ретроградством", которые только скомпрометировали бы восстановленную Династию. Другими словами, из прошлых взаимоотношений между Русской Монархией и Русским народом нужно восстановить только то самое лучшее, что реально проявлялось в те или иные моменты нашей истории, но и это лучше реализовать в полной гармонии с идеальными устремлениями новых русских поколений, ибо они являются именно новыми — дико было бы утверждать, что они во всем походят на прежние, пережив все то, что они пережили в горниле страданий последних четырех десятков лет и в горниле сопротивления их национального самосознания духовно отвратной для них коммунист. тирании. И наша новая тактика состоит совсем не в том безудержном восхвалении всего в старой России, о котором пишет в "Новой Заре" "протоиерей" М. Медведев, который в настоящем монархизме не смыслит, извините, ни уха, ни рыла, а в том, чтобы сказать этим новым российским поколениям ПРАВДУ о СУЩНОСТИ Росийской Царской Власти, доказать им, что только восстановление этой СУЩНОСТИ во всех проявлениях духовной, политической и социальной жизни Русского народа спасет его от новой партийной власти и даст ему настоящую свободу и в труде, и во всех проявлениях его работоспособности и его талантов, и тем самым пробудит в этих новых поколениях императивное сознание необходимости сбросить сов. власть, как главное и единственное препятствие на пути к восстановлению такой Народной Власти. Такое понимание идеи Монархии и наших задач, конечно, совершенно чуж-

ВЫСТУПЛЕНИЯ АНСАМБЛЯ "ТРОЙКА" LR3 RADIO BELGRANO Каждую субботу в 21.30 час

до психологии всяких Вишняков и Водовых, которых Бердяев совершенно справедливо окрестил "людьми плоского революционного сознания". Но в некоторых высказываниях М. Корякова имеются проблески того, что к таковым он как будто не принадлежит, хотя своего подлинного национального лица он до сих пор весьма дипломатично не показывает. Слово за ним!

В последней (56-й) книге "Нового Журнала", в статье И. Ильина, повидимому бывшего офицера Российской Армии в довольно высоком чине, мы находим некоторые интересные данные по вопросу, правильное освещение которого должно быть сделано в будущем учебнике Русской Истории, а именно вопросу о том, действительно ли Англия, т. е. точнее английские правящие круги содействовали российскому перевороту в феврале 1917 г. Как известно, такие глубокие аналитики этого события, как И. Л. Солоневич и С. П. Мельгунов, скептически относились к этому любезному содействию Англии нашим ненавистникам Монархии. По их мнению, "купить" таких миллионеров-заговорщиков, как Гучков или Родзянко, Англия не могла, ибо в деньгах они не нуждались, так же как и ген. Алексева, который, как эти организаторы заговора, лично был человеком абсолютно честным. С другой стороны, по мнению тех же лиц, Англия не могла помогать возникновению в России таких колоссальных внутренних потрясений в тот момент, когда она еще не могла быть уверена в окончательной победе Антанты над Германией, и потому не могла пойти на устранение из рядов союзников такого мощного партнера, как Императорская Россия.

В свете подробного анализа событий, предшествующих Февральскому перевороту, прямых улик на помощь английского правительства русским антимонархическим силам в их организации заговора и переворота, действительно нет. Но статья И. Ильина интересна тем, что впервые в ней мы находим улики косвенные — а ведь всякий юрист скажет нам, что иногда при расследовании преступлений именно косвенные улики играют колоссальную роль. Вот что пишет И. Ильин:

В конце 1916 г. на квартире у Тырковых-Вильямс Ильин, приехавший с фронта, застал в гостях большое общество: Шингарева, Гучкова, двух англичан, морских офицеров. "Когда мы рас-

Борис Башилов

4

КТО ВРАГ?

Повесть

VI

Макс Гофман всегда с большим удовольствием вспоминал вечера проведенные в Борисове с бывшим командиром саперного батальона Дмитрием Стригуновым. Дверцы печки выходили в комнату Гофмана. Вечером, когда жизнь в Комендатуре замирала и комендант Вагнер отправлялся к заведенной им любовнице, истопник Дмитрий Стригунов, до войны инженер строитель, приходил в комнату Гофмана и они часами разговаривали, сидя около ярко горевшей печки. Стригунов, живший несколько лет в одной из немецких колоний на Волге, хорошо говорил по-немецки. Ход мыслей у него, правда, часто был очень неожиданный, резко отличный от немецкого способа мыслить, но это, пожалуй, и составляло особую прелесть.

Дмитрий Стригунов также как и Гофман считал, что демократия это только один из мифов нашей эпохи. И что ни чем иным, как дорогой к партийной диктатуре европейская демократия служить не может. В первый же вечер обнаружилось, что Гофман ненавидит Гитлера, а Стригунов — и Гитлера и Сталина.

Макса Гофмана только всегда несколько коробило, когда Стригунов называл Гитлера идиотом, а Сталина считал гениальным диктатором, равных которому до сих пор не было.

Беседы кончились так же внезапно, как и начались. Однажды утром Стригунов пришел проститься. Комендатура Борисовского лагеря направляла его работать начальником дорожного управления. А через неделю к майору Гофману явился полевой жандарм и спросил, не известно ли ему где находится сейчас Стригунов.

Гофман ответил, что не знает и спросил жандарма, что случилось.

— Этот негодяй захватил автомобиль и с семьей другими пленными бежал в лес к партизанам.

Сообщение полевого жандарма поразило Гофмана. Он никак не мог поверить, что такой убежденный антибольшевик, как Стригунов добровольно ушел в партизаны. В одно из воскресений Гофман съездил на автомобиле в деревню, около которой Стригунов ремонтировал мост. Мальчишка, возивший бревна для моста, рассказал Гофману, что перед тем, как кончать работу, к Стригунову подошел конвоир, высокий рыжий немец. Конвоир хотел вести пленного обратно в деревню, а Стригунов сказал, что они должны остаться еще на полчаса, пока не закончат намеченную им работу. Конвоир разозлившись, ударил Стригунова по лицу.

У Стригунова из разбитой губы потекла кровь, он побледнел и тихо сказал конвоиру по-немецки:

— Noch ein mal, bitte!

Конвоир, держа винтовку правой рукой, еще раз ударил Стригунова.

Стригунов подошел и еще тише сказал:

— Noch ein mal, bitte, mein Herr!

Конвоир выругал Стригунова русской свиньей и ударил в третий раз.

Пленные, бросив обтесывать бревна, молча смотрели на эту, ставшую обычной сцену. Петер Миллер, родом из Тюрингии, был отменной скотиной, он всерьез уверовал в гитлеровские бредни, что он сверхчеловек. Когда Миллер ударил Стригунова в третий раз, тот неожиданно выхватил у Миллера винтовку и бросил ее в сторону пленных.

Миллер хотел броситься за винтовкой, но Стригунов схватил его за грудь и спокойно сказал:

— Нет, дорогой мой. Ты меня три раза ударил по-немецки. Теперь я тебе раз дам сдачи по-русски. — Стригунов размахнулся и

нанес такой удар Миллеру в висок, что тот свалился на снег.

Когда пленные подбежали к месту происшествия, Миллер уже лежал на снегу, у того из носа, р

— Что же мы теперь, Дмитрий растерянно проговорил шофер, м восемнадцати, по прозвищу Сережем оном за то, что он собирал кости ку повар стоявшей в селе немецкой телке.

— Что? Не знаешь что делаю, обтирая снегом разбитое лицо. —

— А куда поедем?

— В лес! Довольно тебе из КТО со мной поедет?

— Что ж, Дмитрий Николаевич, взглянув на неподвижно лежавшего, ворил один из пленных. — Давай

Все пленные были из Борисова, которого лежали в земле кости от голода пленных. Уговаривать тот Сережкой Бульоном кузов тр

них.

Когда, спустя час, легковая машина прибыла к месту происшествия, пленный снегом труп Петра Миллера, горевшего недостроенного, моста.

Так началась партизанская жизнь. Ненавидевшего Сталина так же

Дождаясь, пока из леса выйдет партизанского отряда "Седой", д памяти события, происшедшие за

СЛУШАЙТЕ РУССКИЕ ПЕРЕДАЧИ ПРАВОСЛАВНОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ в исполнении хора под управлением **С. А. ЖАРОВА** в следующие дни:

15-го августа в 12 часов ночи ЛИТУРГИЯ

28-го августа в 12 часов ночи RADIO NACIONAL — LRA на волнах 870 м. и 31 м.

РУССКИЕ ПЕРЕДАЧИ

ходились, Вильямс, который стоял с англичанами, подозвал меня: "Приходите завтра к 12, пойдем в клуб англо-русского объединения завтракать". Я тогда еще ничего не знал, но какое-то внутреннее чувство мне подсказывало, что назревают какие-то большие события, что не зря (подчеркнуто будет повсюду мною. Н. П.) на квартире Тырковых собираются лидеры кадетской партии, приглашаются англичане, многозначительно молчит Вильямс".

В декабре Ильин был снова в отпуску в Петрограде. "Вечером звонок по телефону А. В. Тырковой. "Приходите скорее, будут интересные люди". Вхожу в гостиную: А. В. Вильямс, Шингарев, знакомые англичане, ждут Милюкова. Я подхожу, здороваюсь. Вильямс, указывая на Гучкова, говорит: "Вот наш военный министр". Я немного ошалел и не сразу понимаю, в чем дело". Является Милюков, говорит, какое создается невыносимое положение. "Если не будет ответственного министерства, — говорит он, — война будет проиграна, это не подлежит сомнению". Я сижу, слушаю и никак не могу понять, как же все это произойдет. Почему вдруг Гучков станет военным министром? И откуда это знает Вильямс? Мы проводили Милюкова до его квартиры. "Вот Павлу Николаевичу надо быть министром..." — нерешительно сказал я. — "Вероятно, он и будет", — несколько резко ответил Гучков".

Разразилась революция. "Пришло известие об образовании Временного Правительства. Когда я прочел состав министров, мне вдруг стало ясно: ведь Вильямс, А. В. Тыркова, англичане, очевидно знали о готовящихся событиях! Что касается Арнады Владимировны, то она, видимо, была очень довольна надвигающимися событиями, и ей чрезвычайно импонировала близость к лидерам кадетской партии, встречи с Милюковым, Шингаревым, Маклаковым и Гучковым. Вильямс же, очевидно, был СВЯЗУЮЩИМ ЗВЕНОМ С АНГЛИЙСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ".

А. В. Тыркова-Вильямс, судя по ее книгам, человек искренний и искренне осознавший гибельность того пути к ниспровержению Императорского строя, по которому в те времена она шла вместе со всем, так называемым, освободительным движением. Было бы чрезвычайно желательным, чтобы она осветила этот вопрос на страницах эмигрантской печати, опять-таки в целях правильного освещения Февральских событий.

Лично я позволяю себе не согласиться с тем мнением, что Англия Февральская революция была не нужна. В этот момент — конец 1916 и начало 1917 г. — ее правящие круги были хорошо осведомлены о чрезвычайно тяжелом военном и внутри-экономическом положении Германии и ее сателлитов; эти круги не могли сомневаться, что победа союзников несомненна. Те же круги не могли не быть уверены в неминуемом и скором выступлении Соед. Штатов на их стороне. При таких условиях

С благословения Высокопреосвященнейшего Архиепископа АФАНАСИЯ, в Кафедральном Соборе Воскресения Христова в Буэнос Айресе будет сооружен киот Св. Великомученика и Победоносца Георгия, в поминовение всех Георгиевских кавалеров, кому Господь судил закончить в Аргентине свое земное существование.

Все Георгиевские кавалеры (орден, оружие, крест, медаль) приглашаются на совещание о способе сооружения киота, которое состоится в субботу, 22 августа с. г., в 16 часов (ул. Конгресо 3610, столица).

Георгиевские кавалеры, не имеющие возможности прибыть на это совещание, но желающие участвовать в сооружении киота, благоволят о своем желании уведомить полк. Гегела-Швили — в Соборе, или по адресу ул. Агуас-Буэнас 3032, Буэнос Айрес (тел. 51-1827).

холодный расчет руководителей английской внешней политики, которая всегда рассматривала Россию, как истинного врага и опасного соперника на Ближнем Востоке, в Афганистане, в Индии, и на Дальнем Востоке, диктовал им крайнюю желательность для будущей английской международной политики вывода из строя России, с притязаниями которой — и сколь справедливыми — на Босфор и Дарданеллы, на Галицию и Буковину и т. п. — союзникам пришлось бы очень и очень считаться на предстоящей мирной конференции, где Россия играла бы несомненно самую видную роль. Не улыбалось "коварному Альбиону" и в будущем считаться с великой и могучей Российской Империей, которая, в результате победы, оказалась бы на вершине своего международного веса и влияния. О прямом воздействии английского правительства на судьбы России в тот трагический для нашей Родины момент мы не узнаем, вероятно, никогда. Но косвенные улики статьи Ильина, несомненно, чрезвычайно вески, и я думаю, что будь еще живы И. Л. Солоневич и С. П. Мельгунов, они пересмотрели бы свое мнение о роли Англии в заговоре Гучкова и Ко.

В наших "либеральных" и в особенности революционных кругах имена русских террористов и, особенно, царубийц окружены особенно ярким ореолом, как идеальнейших людей, жертвовавших своей жизнью "для блага народа", а потому неспособных ни на какие низкие поступки. Увы, действительность говорит другое, и воображаю, как кривятся эти почитатели, напр., декабристов, когда в своей книге о Пушкине та же А. В. Тыркова пишет о Пестеле: "Показания Пестеля, писанные в крепости, полны ненужной откровенности. Он, как впрочем и другие декабристы, сообщил имена многих заговорщиков. А столь прославленный Рылев писал Царю о своем раскаянии и "совершенной перемене мыслей".

Но вот в той же статье И. Ильина приводится также весьма неприятный для обожателей царубийц факт. Брат А. В. Тырковой участвовал, правда, на вторых ролях, в царубийстве 1 марта 1881 г. На вопрос Ильина: "Как Вы решились участвовать в этом?" он ответил: "Почему я участвовал? Был 19-летним мальчишкой, вот почему. А правильно мы сделали или нет — не знаю до сих пор". — "Вас скоро арестовали?" — "Нет, меня и многих других никто не знал по фамилии, не знали даже и "наши", знали лишь имена. Выдал Рысаков (главный участник). Он на допросе назвал меня по имени и сказал, что был такой студент. Жандармское Управление потребовало списки всех студентов университета, и представьте, что оказалось на весь Университет только два Аркадия — я и еще один. Нас арестовали. В этот день жандармский офицер обещал помилование Рысакову, если он укажет, который Аркадий участник заговора. Его подвели к окну, а нас повели по двору тюрьмы. Рысаков, увидя меня, кивнул головой — это и был знак для стоявшего тут же за портьерой офицера".

Стоит ли говорить о моральной высоте "великого революционера"? И вот под водительством таких "героев" несчастная, доверчивая, идейная русская молодежь шла на свои революционные "подвиги", даже не имея ясного сознания, нужны ли они для этого самого "блага народа"! Да, очень и очень нужно написать и издать книгу о "Правде об "освободительном движении" в назидание русской молодежи новых поколений, которой наши заграничные последыши этого, с позволения сказать, движения намереваются еще забивать голову ложью об этих убийцах, которые на самом деле были или государственными преступниками, подрывавшими духовные и органические скрепы единства и силы нашей страны, или же полусумасшедшими фанатиками заумных идей, сумевшими овладеть властью над нашим народом в тот момент, когда он находился в состоянии политического аффекта, в результате наступления кульминационного пункта духовного загнивания нашего правящего класса.

Н. Поточкин

ТИРАЖ "НАШЕЙ СТРАНЫ" ДОЛЖЕН НЕПРЕРЫВНО РАСТИ — ДАЙТЕ ЕЙ НОВЫХ ПОДПИСЧИКОВ!

П. Панин

ЖИЗНЬ НАЦИИ

О к о н ч а н и е

В свете вышеизложенного становится понятно место революции в жизни народов: она никак не может считаться началом чего-то "светлого", созидательного. "Созидательная революция" — просто бессмыслица, набор слов. Всякий революционер — фермент распада, всякая революция — лишь внешняя форма разложения нации, наиболее выпуклое проявление тех отрицательных сил разрушения, которые противостоят силам обновления, и место ее — всегда на обратной стороне волны. Если она случится в конце спада, это может повести к самообману и создать впечатление, что это именно она была матерью последующего подъема. Когда придет время, чья-то благая воля прервет гнилой процесс, и начнет писаться новая страница истории; подъем будут создавать творческие, положительные силы — в тех условиях, кои остались после нанесенных революцией разрушений. Но она может быть на любом месте обратной стороны волны, и спад может продолжаться и дальше, после нее. Большевики выразили все это в совершенно уродливом, раздутым виде. Посмотрите на них: что в них главнейшее, наиболее выпуклое? — Их д е ф е к т и в н о с т ь — дефективность умственная, моральная, политическая. Их невероятная лживость, циничность, преступность, двуличность, самоуверенность, нежелание считаться ни с какими общечеловеческими нормами. Это — не здоровый пещерный человек, который еще не поднялся на высшую ступень, а упавший человек, — отвратительный след душевной болезни и разложения. Вероятно, пещерный человек с отращиванием откачулся бы от многого из того, что сотворили его потомки. Вот эту-то смертоносную стихию разложения изъеденный сифилисом мозг Ленина выразил в наихудшей форме. Но ведь ее же выражает и любой деятель так называемого "левого" фронта, только в разной степени заостренности.

Что дала Французская революция? Выдвинула новый слой, разрушила старый и создала новый режим; но никакого нового человека, в подобие христианству, не создала. Новым режимом она лишь законсервировала на неопределенное время ту дефективную личность, которая безобразничала на улицах Парижа в пору революции; и на протяжении века эта личность выходила на улицы еще трижды. Уличный разбой стал выражением закона. Для человека революции закон дается не Богом и познается не в глубинах нашего сознания, а диктуется беснующейся толпой. Направляют же ее проходницы. Вся Французская революция творилась ничтожеством во имя ничтожества. Лозунг "свобода, равенство и братство" являются только вывеской — ни французского буржуа, ни французского сапожника вопросы высшей справедливости не интересовали, их интересовали их личные интересы. Им нужны были только свобода действий — и барыш. Они отнимали имущество у герцогов и присваивали его себе, возмущались произволом знати — и творили еще горший и гнуснейших произвол. Подлинная цена революции узнается по итогам. За XIX столетие население России удваивалось каждые 50-40 лет: в 1796 — 36 мил., в 1861 — 69, в 1897 — 129, в 1914 — 180; за сорок лет нашего лихолетья к 180 миллионам едва прибавилось 20... Во Франции та же картина: в конце XVIII столетия Франция имела 25 миллионов; через 150 лет она имеет едва 40! — Думайте, русские люди!..

Беспредметны и ложны рассуждения республиканцев, что именно царский режим привел народ к революции: царский режим существовал тысячу лет, а революция случилась однажды, и, когда он существовал неуверенным и прочным он знаменовал только рост и утверждение нации, ее здоровые силы. Когда силы эти иссякли, царский режим ничего уже не мог сделать, и республиканцы получили полную свободу действий. И монархисты неправы. Никакая революция не падает с неба, как снег на голову; они вырастают из стараниями людей на соответствующей почве. В здоровом организме не плодятся бактерии — он преодолевает их силу. Раз бактерии плодятся, значит, баланс сил и жизне-

стойкость организма нарушены. Каждая из революций прежде всего говорит о каком-то неблагополучии в жизни народа, болезни — о том, что организованные и творческие его силы на исходе и перевес получили стихийные силы разрушения.

Не надо думать, что в пору роста вся нация идет вверх, а в пору падения вся нация идет вниз. Силы роста и микробы разложения могут развиваться параллельно; но состояние нации на каждый момент определяет общий баланс — баланс сил творческих и сил разрушающих. В первой половине волны и на ее вершине господствуют первые, (Екатерина над Пугачевым и Николай I над декабристами); во второй — вторые, (Ли-Цзы-Чен над императором и общий фронт революционеров над Николаем II). "Освободительное" движение в России обозначилось еще при Екатерине и ширилось и росло весь XIX век так же, как росла Россия; но только с XX оно взяло перевес над создающими силами и потянуло нацию в бездну. К этому времени русский народ потерял свою путеводную звезду, здоровое суждение, инстинкт самосохранения и самоутверждения, единство, твердость веры, сознание долга, терпимость, благожелательство к людям, даже трудолюбие. Все это заменилось скепсисом, распушенностью, себялюбием, ленью, и, чем выше по иерархической лестнице был тот или иной слой, тем ярче это выражалось: знать и интеллигенция была разложена полностью.

Может случиться и так, что нация находится в росте, но ее подавит другая, более сильная нация в своей экспансии. Но, если некто выдвигает явно ублюдочную идею и зовет на преступление, а народ или принимает это, или не протестует, или не имеет сил справиться — очевидно, что этот народ не находится на высоте положения. И, если потом он не освобождается от злодея, это значит, что он не вырос еще до настоящего размера. В некоторых кругах время перед 1917 годом принято считать за время чрезвычайного расцвета России. Это, конечно, не так. Росла промышленность. Образование. Мы говорим не о промышленности, а о народной душе. Промышленность росла самотеком. В 1917 году фронт был завален промышленностью, а солдатики творили самосуды над офицерами и бежали перед немцем. Состояние нации определяет не количество фабричных труб и даже церковных крестов, а нечто неощутимое, что трудно поддается учету. Временами оно проявляет себя количеством судебных дел, браков и разводов, количеством подметных прокламаций, либеральных листовок и похабных надписей на заборах. Его можно уловить в неубранной куче навоза на мужицком дворе или в подлеме выступлении парламентского лидера. Все это трудно суммировать и выявить; но в результате всего этого на народной ниве неотвратимо вырастает Чека. Пред революцией в России не только екатерининских орлов и не только самоотверженности суворовских богатырей мы не видим, — мы не видим достаточно просто одаренных и честных людей. И Государь, и Колчак задохнулись от безлюдья, только одна фигура Столыпина лепится наружу. Бальмонт писал: "Человек современный, низкорослый, слабосильный, мелкий собственник, законник, лицемерный семьянин..." Сам он жаждал героики, свободы и прогресса... Что делала элита? — Достаточно почитать предреволюционную литературу и послушать, что делали литераторы. "Элита" была создана в Государственную Думу, чтоб помочь власти в устроении государства; элита отказалась от союза с властью и предпочла неосмысленный быт.

А мы кто? Мы — осколки этих поколений и, главным образом, "элиты". А мы каковы? — "Мне стыдно за наши бесконечные споры, сплетни, взаимную клевету, помой, ссоры и дрязги. Стыдно за нашу никчемность, мелочность и слабость, за нашу неспособность к подвигу и к настоящему жертвенному служению. Стыдно прежде всего — перед Россией" (И. Солоневич).

Что мы делаем, что мы создали? Грыземся, амикошонствуем с врагом, жрем и спим. Нет ни одного материально-

крепкого национального издания, националисты нищенствуют. Что это значит? А это значит, что их никто не поддерживает, никто в национальном сознании не нуждается, по-старому ищут "прогресса". Но ведь и обитель святого Сергия причащалась из деревянных чаш. Трудом одного самоотреченного человека сделано величайшее дело — вскрыта история ключевого события наших черных лет — убийство Царской Семьи. Сейчас с мукой и отчаянием читаешь о том, что подлинный результат трудов этих — погреб. А (не полный?) дубликат, изданная 35 лет тому назад книга, — существует только в единицах. Эмиграция она не нужна, эмиграция ею не интересуется. Никто не хочет приложить ни копейки, ни рук, чтоб возобновить этот исторический памятник. — Это ли не маразм, это ли не разложение!..

Может быть, хоть монархисты являются исключением?.. — "У нас в Сан Франциско пять монархических организаций с совершенно одинаковым монархическим девизом "За Веру, Царя и Отечество!", с канцелярскими, с большой перепиской, но с малым до смешного численным составом"...

Пока национальные силы России были в состоянии здорового роста, обратные силы, при всем их развитии, не могли получить успеха; как только национальные силы убыли, баланс был нарушен, и волна стала быстро таять. Такие рассуждения о прошлой России, как: — "Если Россия будет идти так и дальше, то она станет первой державой мира", (Э. Тэри), — просто беспредметны. Всякое "если" здесь просто не имеет смысла, так как цикл жизни — закончен, запас национальной силы исчерпан, с каким бы эффектом ни проявил он себя в последнее время. Это все равно, что сказать: "Если он выпьет еще стакан, то будет совсем пьяный", — когда на столе не осталось никакого вина; или "Если он проживет еще сто лет, то станет великим миром", — когда человеку уже семьдесят, и солнце его заходит.

Что солнце России в начале XX века лежало на горизонте, можно увидеть повсюду: в картинах деревенской, городской и, особенно, столичной жизни, в Русско-Японской войне, в революции 1905 года, в мерзкой, упадочной литературе, в истории Государственных Дум, в мягкотелости власти и развязанности противостоящих сил, в полной невозможности создать что-либо сильное, живое — взгляните только в трагическую фигуру Государя Николая III! Это же — олицетворение Рока! Помните Его слова: — "Кругом трусость и измена!", вспомните действующих лиц, обстановку, историю гибели Царской Семьи, бесплодное Белое Движение, нашу теперешнюю обстановку — вам станет душно, словно чья-то рука взяла вас за горло. На всем этом безрадостном фоне лепится один Столыпин, недаром его убрали со сцены. "Если" — не уместно. Не будь войны, дальше все равно последовал бы национальный спад — медленный или в виде обвала. Кризис династии, смута, революционные выступления были бы неизбежны. С приходом Ленина все это произошло в форме обвала, и в этом может заключаться крупная горького утешения и надежды: сроки могут быть сокращены. Старая эмиграция любит говорить о любви к Родине. Замечает ли она, что любовь эта стала какой-то абстрактной? Замечает ли она, что новые, послевоенные эмигранты любят Родину какой-то другой, более жаркой и живой любовью? Так любят двое: один — свою мать, другой — свою невесту. Но первый любит прошлое, и глаза его обращены назад; второй любит наступающую жизнь. Здесь — великая разница, но здесь же — и великая радость. Оцениваем ли мы достаточно, что обвенчаться в церкви или крестить ребенка при царе и в теперешнее время — две совсем разные вещи? Иль обругать царя, иль обругать Хрущева — тоже дистанция огромного размера? А ведь вот же — ругают, ругают во всем объеме ЦК.

Большевики всячески стараются изобразить свое время, как время расцвета — какая лживая и неумная затея! Разве можно такие темные времена, как время Лже-Димитрия, Кромыеля, Личы-Чена, Робеспьера назвать порой расцвета! Но там, в глубине молчаливой России, можно увидеть удивительнейший цветок: самой ранней весной, ког-

да только что снег начинает сходить с поверхности земли, и появляются первые маленькие проталины, на них, рядом с кусками льда и грудками еще не растаявшего снега, на немного размочшей от солнца земле в струйках живой воды колышутся скромные, но благоухающие цветы. Их зовут — Подснежник. В этом Подснежнике — наше будущее, моя и ваша радость.

Итак: из предыдущего само собой вытекает возможность не только правильно оценить прошлое и настоящее, но и, как будто, с большой долей вероятности предвидеть будущее. Оценить объективно настоящее — трудное дело: слишком оно близко, чтобы можно было окинуть его широким взором. Но посмотрим все же и на наше время. Оно считается исключительно опасным в смысле возможности войны. Это, конечно, не так. Кто с кем будет воевать? Одна звездная демократия, (скажем, Америка), всегда договорится с другой звездной демократией, (скажем, с СССР), как бы они ни назывались и под каким бы режимом ни шли. Всегда найдется посредник, который сгладит разногласия, е с л и е м у б у д е т в ы г о д н о. Как мы видим, они и договоривались весьма успешно за все прошлые годы; Литвинов пожимал руку Рузвельту, Молотов ездил на поклон к Баруху. Поэтому, кстати, и не приходится России ждать какой-либо помощи со стороны — сейчас почти нет стран беззвездных. Не Испания же поможет России! Положение круто меняется, если одна из сторон выходит из орбиты звезды.

Оглянемся внимательно назад. Так называемое, прогрессивно-освободительное и звездное движение началось в России в конце XVIII века. Это было время, когда через прорубленную Петром дыру из Европы в Россию вместе с живой водой хлынули потоки грязи; когда русская императрица переписывалась с циником и атеистом Вольтером, а в ее окружении бойко формировались масонские ложи всех наименований. Во Франции это был канун оглушительного погрома, блистательного достижения освободителей человечества; для России это было началом.

Если считать избрание Михаила Федоровича на царство за начало роста русской государственности, то зенит этого роста, (через 150 лет), приходится на 1763 год, — конец царствования Елисаветы Петровны — начало царствования Екатерины II. Мы это и видим: именно к этому времени русский народ наполнился силой. Дальше, на базе этой силы, Екатерина ведет ряд успешных войн, строит дворцы, поощряет искусства, вводит пышный обиход. Здесь — наш Суворов, с его богатырями, Ушаков, Потемкин, Ломоносов, Казаков, Державин, — вообще вся блистательная стая екатерининских орлов. Но это — гребень, точнее — вторая его половина. Где-то внутри заработали уже иные силы. Отечественная война питалась этим же источником, спад еще яно не обозначен. В Крымскую кампанию уже обнаружилась изыянность, в Японской войне Россия потерпела поражение, а в результате Первой Мировой войны — впадала в хаос.

Русская государственность оказалась на редкость крепкой: до самого краха Империи она казалась непоколебимой, — так трудно было уследить глубину разложения. Это характеризует жизненные силы народа; но, несомненно, этим мы обязаны и ряду наших блестящих императоров то жесткой волей, то путем широких реформ они все время выравнивали народную жизнь и поддерживали ее на значительной высоте. Это были могущественные стабилизаторы; разрушительные силы обрушились на них со всей мыслимой яростью. Именно этим и надо объяснить ту широту и катастрофичность обвала, который пришел за победой разрушителей: приложенные с обеих сторон силы были огромны по объему. В 1917 году, через 300 лет от начала становления, русский дом рухнул.

Но это не было зенитом самих разрушителей. Зенит пришел в 1930-40-х годах: 1780 (средина царствования Екатерины), плюс 150 получается 1930. Именно в эти годы они полностью овладели русским народом; именно в эти годы приносятся многомиллионные жертвы Молоху на колхозных полях и готовятся новые — по полях брани.

Но что произошло дальше? На полях брани родился нежелательный для них

плод: осознанный национализм; и стал расти. Это звучит парадоксально: но убежденным сторонником его и апологетом стая даже один из крупнейших интернационалистов-большевиков. — Жданов, открывший кампанию против космополитов. "Глубоко ошибаются те, кто считает, что расцвет национальной музыки... означает какое-то умаление интернационализма в искусстве... Интернационализм в искусстве рождается не на основе умаления и обеднения национального искусства. Наоборот: интернационализм рождается там, где расцветает национальное искусство. Забыть эти истину — означает потерять руководящую линию, потерять свое лицо, стать безродным космополитом. Оценить богатство музыки других народов может только тот народ, который имеет свою высокоразвитую музыкальную культуру. Нельзя быть интернационалистом в музыке, как и во всем, (курсив мой. П. П.), не будучи подлинным патриотом своей страны..." Попробуй, Ежов, прицепись! Как видит читатель, руководящая линия была намечена далеко: на этом он и сложил свою голову. "Прогрессивные" круги и сейчас не могут произносить его имя без скрежета зубов. Но процесс продолжался; сейчас только слепой может не увидеть этого роста в СССР. Он будет идти и дальше, и мы не знаем, к каким событиям и формам приведет он русский народ.

Ну, а другая сторона? "Освободительное", (интернациональное, а не национальное), движение в Америке началось в первой половине прошлого столетия. Значит, у "освободителей" имеется еще запас около тридцати-пятидесяти лет для их многопольной деятельности; только тогда они придут к полному успеху. Мы сейчас наглядно можем видеть, прямо физически ощущать, сколь стремительно идет в Америке процесс разложения. Остановить его никто не сможет — нет в мире такой силы. Ни атомные бомбы, ни ракета "Атлас" не знаменуют и не создадут здоровой души народа, это — лишь материальные побрякушки для взрослых детей. Их сравнительную цену с ценой жизненного процесса в утрированном виде я мог бы представить на следующем примере: творцом атомной бомбы считается Теллер-освободитель; но он и до сих пор не может освободиться от волос на подбородке и бреется каждый день...

Обратим внимание на кривую Китая: только лишь в начале нашего века, вместе с династией Цин, закончилась очередная волна; Китай — перед подъемом в гору, и это совпадает с невероятным ростом его населения. У Японии тоже имеется впереди лет пятьдесят периода роста, когда она достигнет зенита; это может побудить ее взять на себя какое-то лидерство. Положение Турции аналогично Китаю. Арабы пробудились. Израиль старается обновить свое царство. Франция, повидимому, находится в той "лучшей форме", какую смогла создать республика, и, вероятно, форме этой предостит волочиться и дальше. Англия может опуститься еще ниже. Италия — в середине спада. Германия идет по пути Америки, с некоторым запозданием. Мы видим, какие грозные тучи нависли над человечеством, какие намечаются противостояния. Европа, действительно, в сумерках. Америка будет интернационализирована, она и сейчас интернационализирована на 2 части. Россия безостановочно встанет на путь национального роста. И вот здесь-то и лежит настоящая опасность. Эти два мира не могут не столкнуться; звездные демократии не могут допустить, чтоб на 1/6 земной суши вновь обосновался и стал строиться крепкий национальный дом.

В заключение, как иллюстрацию к изложенному, пусть простит мне читатель небольшую вольность личного характера. Я видел сон. Я очень рад, что ночь довольно часто дарит меня чрезвычайно красочными снами; забавным подарил и вчера. Я — не я; я — то ли властитель могущественного государства, то ли само это государство, — во сне ведь все возможно. Главное — чувство моей непомерной, ничем неодолимой мощи и совершенно неукротимой воли. Кажется, это была то ли Россия, то ли СССР. Около меня три женщины, они изображают Германию, Францию и еще там кого-то; и я держу к ним речь примерно такого содержания: "Не упорствуйте, не кочевряжьтесь! Покоритесь моей

ОТ СВЯТО-ВЛАДИМИРСКОГО РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ОБЩЕСТВА

Св. Владимирское Общество в связи со внезапной кончиной Строителя и Настоятеля Св. Владимирского Храма-Памятника в Кассвилле незабвенного Протоиерея отца Василия МУСИН-ПУШКИНА усердно просит русские церковные, общественные, военные и гуманитарные организации и русскую печать, а также и всех русских людей оказать дружное содействие святому и великому делу сооружения Св. Владимирского Храма-Памятника.

Необходимо иметь в виду, что сооружаемый Св. Владимирский Храм-Памятник является не только памятником нашего далекого славного прошлого, но создается также, как тот исторический фундамент, на котором только и возможно воссоздание Святой Руси. В воплощенной в храме Памятнике исторической русской идее должны духовно сосредоточиться все здоровые русские общественные силы, сохранившиеся за границей и эта идея, как творческая и возрождающая сила, должна перебраться внутрь порабощенного Русского народа, жаждущего возвращения на свой христианский путь. Так задуман Св. Владимирский Храм-Памятник и ради сего, не жалея своих сил и здоровья, трудился и безвременно умер на своем славном посту приснопамятный Батюшка Протоиерей отец Василий.

Св. Владимирское Общество усердно просит органы русской печати за границей напечатать на своих страницах это Обращение и просит все русские общественные организации записать на стены Св. Владимирского Храма-Памятника свои имена, как строителей его, внести пожертвования по 100 долларов за каждое имя. Мы также просим записывать имена русских вождей, государственных и церковных деятелей, писателей и вообще замечательных русских людей, устроив для сего подписку среди их почитателей. Доброе начало этому положено в отношении имен наших Венценосных Мучеников, генерала Юденича, П. А. Столыпина, Югославского короля Александра I, Патриарха Сербского Варнава, Великого Князя Константина Константиновича и других. Записывайте также имена своих близких и родных живых и усопших, как строителей сего Храма-Памятника.

Усердно также просим Русское Единенное Общество Взаимопомощи (РООВА) и всех его членов всемерно содействовать сбору средств на сооружение Св. Владимирского Храма-Памятника, ведь этот Храм украсит фарму РООВА и придаст великое историческое значение всей окружающей его местности.

Русские православные люди! Мы должны все вместе, в скорейшее время, закончить создание Св. Владимирского Храма-Памятника во славу Святой Руси и на украшение приютившей нас Америки.

Все записи и пожертвования следует посылать по адресу:

St. Vladimir's, Memorial Church, Cassville, N. Y., U. S. A.

Председатель Св. Владимирского Общества Архиепископ В И Т А Л И Й
Председатель Правления Общества и Строительного Комитета Епископ

Н И К О Н

Казначей Ив. Юскевич

Секретарь диакон Виталий Факторович

воле, не то я сломаю ваше упорство и сломаю вас всех к чортовой матери!" Но так как они все-таки не соглашались, я начинаю их ломать. Потом через амфиладу комнат прохожу в свой дальний кабинет. Вдруг дверь открывается, и входит крохотный, прелестный малыш-япончонок, лет двух, в красочном кимоно. И меня вдруг охватывает невыразимый ужас: я вдруг понимаю, что я совершенно беззащитен и бессилён перед этим малышом и ничего не могу с ним сделать. Тогда я хватаю почему-то детский барабан, начинаю неистово в него колотить и неистово кричать на всю квартиру. Тут меня разбудили...

Я только после, значительно позднее, понял, причем тут был барабан: против молодой стихии жизни может противостоять только такая же молодая стихия.

П. Панин

ХРОНИКА НАРОДНО-МОНАРХИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

К ЧИТАТЕЛЯМ «НАШЕЙ СТРАНЫ»

«Народная Монархия допускает большое разнообразие мнений по программным вопросам», — писал основатель Н. М. Движения И. Л. Солоневич.

Терпимость к чужому мнению, мудрая прозорливость реального политика, сквозящие в приведенных словах И. Л. Солоневича, значительно расширяют базу НМД, предотвращая его разделение на фракции.

Было бы желательно, чтобы и впредь члены НМД при всегда возможных расхождениях проявляли терпимость и уважение к чужому мнению. А расхождения эти были и всегда неизбежно будут, но при всем разнообразии оттенков мнений по основным программным вопросам необходима какая-то генеральная линия определяющая программу НМД.

А нужна ли НМД программа и зачем? Если исходить из уверенности, что большевизм вечен, что возврата эмигрантам на Родину нет, тогда все наши программы, газеты, политическая борьба не имеют смысла, тогда нам надо ассимилироваться в странах рассеяния, последовать мудрому совету: «Не рипайтесь, куме, опускайтесь на дно!» Я далеко от пессимизма. По некоторым признакам возможность нашего возвращения более близка, чем может казаться.

Наличие у нас жизненной, приемлемой для русских народных масс программы может в значительной степени ускорить процесс окончательного изживания большевизма. Ясная программа нужна и в дальнейшем завоевании большинства голосов русского народа. «Монархия в России либо будет восстановлена голосами крестьян, либо ее не будет вовсе» (И. Солоневич).

Не надо также забывать, что в последнюю войну монополия политической пропаганды была в руках солидаристов, так как кроме них ни одна политическая группировка не имела ни кадров, ни четко разработанной программы.

Какою же должна быть программа? Она должна исходить из настоящего (учитывая, конечно, опыт прошлого), быть реально осуществимой, стремиться удовлетворить законные жизненные потребности всех слоев, всех групп населения, обеспечить им наибольший жизненный стандарт, гармонично сочетать свободу личности с интересами государства.

Несчастье человечества в том, что все социальные реформаторы в своих проектах базировались не на живом среднем человеке, с его нормальными человеческими свойствами (достоинст-

вами и недостатками), а на человеке абстрактном, никогда в природе не существовавшем.

Программа НМД не может не учитывать исторически сложившихся условий быта, характера, общей психологии масс и реального соотношения социальных группировок. Когда мы говорим об интересах отдельных социальных групп, то под этими интересами мы понимаем то, чего хотят, к чему стремятся эти группы, а не то что за них решают непрошенные ходатаи и благодетели.

99% русского народа находится за Железным Занавесом. Где бы и как бы ни была выработана программа, только имея поддержку подсоветских масс, она может стать решающим фактором. Для того, чтобы приобрести эту поддержку, надо учесть все происшедшее в мире за 40 последних лет сдвиги в отношениях труда и капитала, социальном законодательстве, экономике и т. д.

Это общие положения.

Как же рассеянные по всему миру народные монархисты смотрят на основные вопросы устройства будущей России?

Мы не имеем средств, чтобы подобно солидаристам, или прежним революционером, устраивать съезды. Единственным средством связи и обмена мнениями для нас является печать, в нашем случае «Наша Страна».

Для выяснения мнения народных монархистов я предлагаю на страницах «Нашей Страны» провести анкету среди читателей и единомышленников по следующему плану:

1. Какую форму монархии Вы считаете наиболее подходящей для России: а) Монархию абсолютную, б) конституционную, с министрами назначаемыми Монархом и перед Ним ответственными, в) парламентскую?
2. Как должен быть разрешен аграрный вопрос?
3. Как организовать внутреннюю торговлю? Торговля — свободная частная, государственная монополия, смешанная.
4. Каковою должна быть организация внешней торговли?
5. Организация промышленности? Государственная или частная. Как поступить с заводами, кроме работающих на оборону.
6. При денационализации промышленности, как Вы представляете себе ее дальнейшее развитие? Организацию транспорта: речного, морского, автомобильного, железнодорожного?
7. Как Вы разрешаете организацию кредита, страхования? Государственная

МУЗЕЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ в Сан Франциско

Основная цель Музея — сбор и хранение всевозможных культурных ценностей, относящихся к жизни и творчеству русской эмиграции, а также всяких материалов по истории и культуре нашей России.

Музей сразу же после открытия обратил на себя внимание наших выдающихся людей науки, искусства, церковной и общественной жизни, которые поддержали его не только морально, но и своим активным участием, присылая музейно-архивный материал.

Музей не есть собственность какой-то группы; он принадлежит всей русской эмиграции, так как только на основе жертвенного участия и поддержки всей эмиграции возможно его существование и развитие. В действительности так это и есть: материалы поступают со всех мест рассеяния русских по всему миру — из 25 стран.

Музей, основанный во имя высоких и благородных целей спасения от гибели физической и забвения духовного хотя бы части культурных сокровищ эмиграции, за одиннадцать лет своего существования сумел оправдать доверие всей русской эмиграции. Факты благожелательного отношения, широкого отклика и готовности помочь развитию этого культурного учреждения заставляют уверовать всех нас в его настоятельную необходимость и в будущее его значение.

В настоящее время Музей имеет много ценного, нередко уникального, материала, распределенного по отделам: исторический, искусства, научный, жизнь

монополия или сочетание государственного, городского, земского, кооперативного и частного кредита и страхования?

8. Рабочий вопрос. Синдикаты. Социальное страхование.

9. Народное образование. Все читатели «Нашей Страны» прошу кратко ответить на поставленные анкетой вопросы. Полученные ответы будут классифицированы и результаты опубликованы.

Для облегчения классификации просим дать некоторые ориентировочные данные

1. Возрастная группа: а) до 40 лет; б) 40-50 лет; в) 50-60 лет; г) выше 60 лет?
2. Старый или новый эмигрант?
3. К какой политической группировке Вы себя причисляете?

Ответы по адресу «Нашей Страны» должны быть присланы к 1-му января 1960 года.

Помимо кратких ответов на вопросы анкеты, желательны и статьи, освещающие отдельные вопросы анкеты.

П. Крачковский

Зарубежья, газетно-журнальный, книгохранилище и архив.

Всем поступающим материалам оказывается максимум забот, внимания и бережливости, так как все сотрудники Музея искренне преданы делу, любят музейную работу и серьезно относятся к своим обязанностям, добровольно и бесплатно отдавая им свое время.

Музей принимает в дар или временное хранение: книги, брошюры, рукописи, журналы, газеты, письма и биографин выдающихся русских людей, картины, скульптуры, архитектурные проекты, фотографии, художественные и исторические открытки, карты, почтовые и денежные знаки, монеты, медали, значки, предметы зодчества и валяния, образцы кустарных изделий, художественное рукоделье; и берет на себя все расходы по пересылке посылаемого музейного материала, в случае денежного затруднения жертвователя.

Музей гарантирует перед всей русской эмиграцией, что все находящиеся в нем ценности и материалы, ни при каких условиях не могут быть переданы советской власти, а будут храниться для передачи законно-избранному национальному Правительству будущей возрожденной России.

Часто бывает в нашей эмигрантской жизни, что редкие и ценные с общественной точки зрения предметы и материалы лежат, сложенные в старых чемоданах или коробках где-то в кладовых, на чердаках, в подвальных помещениях или в гаражах. Все содействует их разрушению и даже потере: перемещение местожительства, семейные обстоятельства, материальные затруднения и уход из жизни. Они пропадают для общества, хотя имеют культурную ценность. Часто они дороги владельцам и им трудно расстаться с ними, но благородный поступок — отправка их на хранение в Музей — принесет владельцам моральное удовлетворение, что этот дар становится полезен русскому обществу и будущей России.

Музей обращается ко всем русским национально-настроенным людям не смущаться ни качеством, ни количеством могущих быть переданными Музеем материалов, так как самый скромный дар в соединении с другими имеет совершенно иную ценность и значение: привлекать к участию в поддержке Музея своих друзей и знакомых и этим стать идейным и активным покровителем, верным другом и помощником Музея, зная, что помогая Музею, Вы оказываете услугу русскому имени, русской национально-патриотической идее и русской культуре Зарубежья.

Правление Музея

Адрес: Museum of Russian Culture 2450 Sutter Str., San Francisco, 15 California, U. S. A.

сок, что тот потеряв сознание

конвою, лежавшему без дви-

та и ушей текли струйки крови.

Николаевич, делать будем? —

Ленький шуплый парнишка лет

два Бульон. Прозвали его Буль-

онные выбрасывал на помой-

ой части и вываривал их в ко-

фе надо? — спросил Стригунов.

Заводи машину!

немецких обедков суп варить.

ич, дело получается темное, —

его на земле конвоира, прого-

ребята, садитесь!

овского лагеря, в окрестностях

же ста сорока тысяч погибших

долго не пришлось. В раскры-

ехтонки залезли все семь плен-

когда батальон занял семь деревень вдоль железной дороги на Могилов, и хмурился. Если бы сейчас Макс Гофман взглянул на Николаева, он поразился бы мрачному и вместе с тем тревожно-му выражению его лица. От веселой беззаботной улыбки, которая всегда озаряла лицо Алексея Николаева, когда он разговаривал с Гофманом, не осталось и следа.

Алексея Николаева тяготило предстоящее свидание с «Седым». Две предыдущих встречи совершенно ясно показали, что «Седой» непреклонен в своем решении продолжать партизанскую борьбу против немцев. «Седой», как и многие его партизаны не являлся сторонником советской власти, он ненавидел Сталина, но еще больше ненавидел немцев. «Седой» был уверен в их неизбежном поражении. В то, что Власову удастся уговорить Гитлера создать сильную антибольшевистскую русскую армию, «Седой» не верил, считая, что Гитлер предпочтет лучше погибнуть, чем отказаться от своих сумасбродных планов превращения России в немецкую колонию.

Спорить с «Седым» было трудно, он был старше, умнее и образованнее Николаева. Разговаривая с «Седым», Николаев чувствовал себя так же неловко, как бывало чувствовал себя, когда спорил из упрямства с кем-нибудь из учителей, ясно понимая, что он не прав. Но в то же время это было не совсем то чувство, потому что споря с «Седым» о дальнейшем развитии событий в России и на Западе, Николаев чувствовал правым себя, а «Седого» считал ошибающимся. Припоминая предыдущие беседы с «Седым», вспоминая его возражения и свои промахи, Николаев окончательно решил, что эта встреча будет последней.

Взяв тонкий стебелек сухой травы, Алексей Николаев ткнул его около небольшой воронки, сделанной в горячем песке муравьиным львом. Белые песчинки покатались на дно воронки и сразу на дне зашевелился песок и из-под него высунулись мощные лапы муравьиного льва. Поняв обман, муравьиный лев молниеносно зарылся снова в песок. Алексею Николаеву почему-то вспомнилось вдруг Сталин. Тот тоже может ждать бесконечно долго, а по-

том, когда наступит удобный момент мгновенно уничтожить беззащитную жертву. Так же поступит он и с партизанами. Уничтожив постепенно партизан Гражданской войны, он уничтожит и всех партизан этой войны. Эта мысль понравилась Николаеву и он решил обязательно продемонстрировать поведение муравьиного льва «Седому», когда тот придет.

Воткнув былинку около ловушки муравьиного льва, чтобы ее потом можно было быстро найти, Николаев снова лег на спину и, обдумывая предстоящий разговор с «Седым», стал смотреть на легкие перистые облака, улетающие по небу за Синюху, на восток, вглубь России. Вид несущихся облаков успокоил его, как всегда, и снова Николаеву на миг показалось, что никакой войны нет и что никакого «Седого» командира партизанского отряда «Смерть Гитлеру» тоже нет, а из темного бора, пахнувшего разогретой на солнце хвоей выйдет милый дядя Митяй, воспитавший его после смерти отца и матери.

Ждать «Седого» пришлось недолго. В основном бору раздавался топот скачущих коней и через несколько минут на противоположном лесном берегу Синюхи показались двое: приземистый коренастый мужчина лет пятидесяти, совершенно седой, одетый в старенькую комсоставскую гимнастерку и черные штатские брюки, заправленные в заплатанные порывелые сапоги, и высокий, одетый в новенькую офицерскую форму мужчина лет около сорока. Взглянув на военного, Николаев догадался, что это наверное комиссар отряда, сброшенный с прилетевшего самолета вместе с другими десанниками. Увидев вышедших из леса «Седого» и комиссара, партизаны и добровольцы перестали переругиваться, замолчали.

Николаев встал с песка, крикнул переставшему играть на балалайке Никифорову:

— Василий, подай лодку!

Никифоров, передав балалайку Чубчикову, начал стаскивать лодку в воду. (Продолжение следует)

Дневник наблюдателя

КАНОССА

Этот термин применяется в тех случаях, когда говорят о принятии униженных условий, поставленных противной стороной. Возник этот термин из отношений Римского Папы Григория VII и французского короля Генриха IV. Генрих поначалу не желал подчиниться одному из требований Папы, но потом оказался вынужденным просить прощения, причем гордый первосвященник заставил короля стоять перед окнами своего дворца в снегу на коленях и допустил его пред свои «ясные очи» только насладившись унижением короля и своей победой. Эта сцена имела место в Каноссе, откуда и пошло крылатое слово.

Вы помните, что одним из самых пламенных желаний Хрущева было совершить поездку в САСШ и лично поговорить с Президентом этой республики. Желание это было настолько сильным, что политики думали воспользоваться им в качестве приманки и пытались вытянуть из Хрущева уступки под залог приглашения в Америку. Говорилось так: «Дай Громыке инструкцию, чтобы он в Женеве уступил насчет Берлина, тогда состоится «вершинная конференция», будет и приглашение в САСШ; если же нет, — то нет!» Звучало это весьма резко и отчетливо.

Женевская конференция находилась при последнем издыхании, представляя собою картину полной безнадежности. Громыко не уступал ни в чем, ни на палу. Надо было разбегаться. В это время, для укрепления дружбы, были организованы выставки: американская в Москве и советская в Нью Йорке. Советской выставкой ездил Козлов, с американской в Москву отправился Ричард Никсон. В Москву Никсон ехал в обстановке неблагоприятной для дружбы, т. к. в САСШ только что была объявлена «неделя порабощенных народов», и Москва понимала, что эта неделя есть камешек в ее огороде.

Дни поездки Никсона отмечаются событиями странными, чтобы не сказать чудесными. После хмурой встречи в Москве, облака недоверия стали исчезать и каждый новый день пребывания Никсона в городах СССР прибавлял к его успеху в деле укрепления дружбы между САСШ и СССР. Не успел он хорошенько потолковать с «москвичами», как мировая печать дала намек, что Никсон может пригласить Хрущева в Америку. Трезвые головы ответили,

По случаю отъезда
ПРОДАЮ СВОИ КАРТИНЫ
Пишу ПОРТРЕТЫ и ИКОНЫ
Вижа Бажестер, ул. Сан Мартин 344
Тел. 758-0045

Л. В. Барановская (худ. акад.)

КУПЛЮ
РУССКУЮ ПИШУЩУЮ МАШИНКУ
Обращаться — ул. Конгресо, 3610
Буэнос Айрес.

В воскресенье, 16 сего августа
в зале
Consejo de Mujeres
Charcas 1151)
состоится
КОНЦЕРТ
хора артистов под управлением
Д. АВРАМЕНКО
Начало в 17 часов

ДИСПУТ
ДОКТОР ЖИВАГО
СЕНСАЦИЯ ИЛИ ПРОВОКАЦИЯ?

Воскресенье, 16 сего августа
в 16.30 час.
«Сентро Монтаньес»
Хорхе Ньюбери, 2812

Вход свободный

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ
и поступил в продажу труд Южно-Американского Отдела Института по исследованию проблем войны и мира имени ген. проф. Н.Н.Головина. —
РОССИЙСКИЕ ОФИЦЕРЫ
Цена — в Аргентине — 30 песо
В остальных странах — 0.75 ам. дол.
Заказы адресовать в редакцию «Нашей Страны».

что он на это не имеет полномочий, Айзенхауэр на конференции печати (пресс-конференция) заявил, что так как в Женеве не намечается положительных сдвигов, о приглашении Хрущева в Америку речи нет, как нет ее и о «вершинной конференции».

Улыбки сосуществования между тем расцвели все ярче и ярче и, вопреки сказанному, Никсон закончил свой визит в СССР приглашением Хрущева для встречи с Айзенхауэром. По этому поводу в Москве и в Вашингтоне были опубликованы соответствующие коммюнике и Никита Сергеевич начал, что называется, «укладывать свои чемоданы». Он должен быть в Америке в середине сентября, а ответ на этот визит, уже после этого, в Москву поедет Айзенхауэр.

Совершился такой сговор совершенно «по щучьему велению», ибо буквально за день до этого картина выглядела обратным образом. Все ждали: чем кончится «Женева»? Женева же кончилась слезами. Не вышло решительно ничего. Издано ничего не говорящее коммюнике и министры иностранных дел разбегались недовольные друг другом. Кр. Хертер в Вашингтоне даже говорил, что все провалилось по вине Громыки, который не желал ни в чем уступать.

Под настроение такого недовольства Хрущевым, американская печать, сообщая о его визите в САСШ поначалу испомнила, что Хрущев обещал быть мотильщиком Соединенных Штатов, что он «не вполне невинновен» относительно подавления венгерского восстания, словом были замечания для Хрущева не лестные, но тогда же смолкли по непостижимым законам жизни и деятельности свободы печати.

Побывав в СССР, Никсон посетил Польшу. Замечено, что, находясь в «Свердловске» он прошел мимо того, что это тот самый город, где его друзья большевики совершили самосуд над Русским Царем и Его Семей. Проезжая Польшу, Никсон не нашел нужным посетить кардинала Вышинского, который и укрылся дипломатично на даче, чтобы смягчить эту грубую бестактность Никсона. В Варшаве Никсон посетил кварталы, где в свое время гитлеровцы устроили «гетто»; уезжая он послал хозяину приветственную телеграмму (не подумайте, что телеграмма была адресована Гомулке; она шла в собственные руки Хрущева), и уехал домой. В САСШ его встретили, как победителя.

Итак, то чего Хрущев хотел, то и получается, то о чем Айзенхауэр говорил, как о предмете невозможном, должно состояться по его собственному приглашению. Вот почему мы и говорим, что сейчас речь идет о Каноссе. Хрущев имеет все основания считать себя победителем. Он может себя сравнивать в Папой Григорием, а Айзенхауэр — с Генрихом IV.

Прежде, чем Хрущев приедет в САСШ, Айзенхауэр должен встретиться с де Голлем, с Мак Милланом и с Аденауэром, для чего он и собирается в Европу. Прежде своей поездки в Америку, Хрущев собирается пригласить в Москву Мак Миллана (чтобы не сказать: «вызывает Мак Миллан»). Разрабатывается маршрут Хрущева по Америке, обдумываются слова и планы, и московские газеты полны восторгов дружбы и умиления по поводу крепости союза с САСШ и успеха дела борьбы за дело мира.

Вашингтонская встреча, как официально говорится, не будет «вершинной конференцией», но даже детям понятно, что это только слова. Это будет именно та встреча, которой желал Хрущев и посредством которой он рассчитывает достигнуть нужной ему цели. В чем же она?

Проскользнули высказывания в том смысле, что Хрущев надеется напустить тумана такой страшно крепкой дружбы, что в нем потеряются все контуры самозащиты демократического Запада. В тумане дружбы и «искренного сосуществования», проводимого, как пишут московские газеты, «с открытой душой и чистым сердцем», можно будет достичь роспуска организации Атлантического пакта, забить клин между Америкой и Зап. Германией и создать атмосферу подходящую для последнего решительного, когда коммунизм нако-

нец-таки столкнет капитализм в могилу. Так западные обозреватели расшифровывают желания Хрущева. Их наблюдения весьма многозначительны, ибо если об этом обмолвился какой-то газетчик, значит о таких возможностях понимают и не только газетчики; значит будут приняты и меры предосторожности.

Как бы ни ликовали коммунисты, надеясь, что Хрущев сам есть подлинный автор своего приглашения, неожиданный поворот направления, сделанный в Вашингтоне, не есть результат деятельности Хрущева. Что здесь сыграло роль, разгадывать напрасно. В каком кабинете, при каких разговорах, по какой причине и т. д. и т. п., кем и почему было принято это решение? Кто знает. Чего ждут от Хрущева действующие в данном случае силы внутренней ведущей дипломатии, сказать также трудно, но не подлежит сомнению, что они вызывают Хрущева в Америку не для того, чтобы дать ему возможность копать могилу демократическому миру.

Есть люди, полагающие, что при Вашингтонской встрече что-то выяснится. Но не напрасно ли такое мнение? Скорее всего — как дело обстоит сейчас, так оно будет обстоять и после «исторической встречи» в Вашингтоне. Эта встреча с Холодной войной не покончит ни в ту, ни в другую сторону.

Между тем борьба коммунизма против свободного мира продолжается. Коммунизм предпринял крупное наступление в Лаосе. Эта страна, лежащая на Дальнем Востоке между Вьетнамом и Саудундией, подверглась коммунистическому вторжению со стороны сев. части Вьетнама, находящегося в руках коммунистов. Происходит вооруженная борьба, в которой перевес — на стороне коммунистов.

Вся Америка хмуро и с недоверием всматривается в то, что происходит на Кубе. Здесь в кресло премьер-министра, президента республики и всемогущего диктатора согнанные Фиделем Кастро в Гаванну от 500.000 до миллиона «гуахиросов» (крестьян), вооруженных большими ножами, «демократический» водворили кулакавшего в мантию демократизма... Фиделя Кастро. Его коммунистическое лицо все более выпирает наружу, как шило из мешка.

Ожидается визит Микояна в Южную Америку. Он начинает свою поездку именно с Кубы, что, по видимому, имеет за собою ясную причину.

Неясно однако, как он себя будет чувствовать в странах, где коммунисты потерпели провал. Так, например, в Аргентине официально объявлены данные о том, что коммунисты занимались подрывной деятельностью, в которой замешаны «представители некоторых иностранных держав» (Впрочем, ожидается, что Микоян едет с большими обещаниями. Если где, что продается, он может купить). По данным печати запрещена деятельность коммунистических организаций, но некоторые газеты пишут, что запрещены эти самые организации.

В Буэнос Айресе из венгерского посольства ушел чиновник, просивший и получивший здесь же право политического убежища.

В общем — довольно скучная картина остается перед глазами. Сосуществование сейчас на подъеме. Этот подъем может быть дольше или короче, крепче или слабее, но к концу трагедии он дело не ведет. Дело все также будет стоять между «худым миром» и на краю «доброй ссоры». Конец в одном из двух: либо демократический Запад, наконец, уничтожит коммунизм тем или иным способом, или же коммунизм уничтожит западную демократию. Вопрос только в том: когда?

Наблюдатель

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
«НАША СТРАНА»
И КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАША СТРАНА»
В БУЭНОСАЙРЕСЕ
продаются:
в Книжном магазине Бр. Лашкевич, ул. Леандро Алем 1140;
в Кiosке В. С. Вербицкого при Храме Воскресения Христова (ул. Нуньес, 3541);
в Кiosке Б. Н. Ряснянского при церкви на Облигадо 2130;
у газетчика на углу ул. Леандро Алем и Виамонте.

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUESTRO PAIS

Organo Monárquico Ruso

Editor-Director

VSEVOLOD DUBROWSKY

Monroe 4219, Buenos Aires, Argentina

Телефон 52-7426

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 8405, Correio Central, Sao Paulo.

Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Correo Central, Clasificador F 456, Santiago de Chile.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Av. Sarria 24, Quinta Coromoto (Club Ruso), Caracas.

Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, M. P. O. C., Dirección General de Vialidad, Alberdi esq. Gral. Díaz, Asunción.

U. S. A.

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe Ave., San Rafael, Calif.

Mr. A. Klushkin, 196, 6th Ave., Apt. B, San Francisco 18, Calif.

Russian Book Store "Russ", 443 Balboa Str., San Francisco 18, Calif.

Mr. M. Maltzoff, 1332 Lucille Ave., Los Angeles 26, Calif.

The Russian National Book Store, 327 E 14th Str., New York 3, N. Y.

Allies Book Shop, 3456 Broadway, New York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 Str., Edmonton, Alta.

Mr. A. Kostyria, 6 Argyle Str., Toronto 3, Ont.

Mr. André Alpatoff, 172, Lakeshore Drive, Montreal 33 (Dorval), Que., Tel. No. M-1-0815.

EUROPE

Belgique: Libraire et Bibliotheque Slave. 13, rue de Roumanie, Bruxelles.

France: Mr. A. Krivocheieff, "Kama" 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.

Westdeutschland: Herr S. Tovstoles, Hamburg - Gross - Borstel, Beerboomstücken 29/I, Wohn. 2.

Greece: Mr. Filatoff, rue Dedalou 26, Athenes.

Holland: Mej. A. Loeper, Anna Str. 1, Oosterbeek.

AUSTRALIA

Mrs. E. Parker, 28 Queen Bess Str., Buranda, Brisbane, Q.-d.

Polyglot Book Depot, 256 Collins Str., Melbourne C 1

Mr. M. M. Spassovsky, 8, Richmond Str. South Wentworthville, N. S. W.

Продолжается подписка на
ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

НАША СТРАНА

основанную И. Л. Солоневичем
под редакцией Вс. Дубровского

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА

Аргентина — 5 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. ц.; Бразилия — 12 круз.; Венесуэла — 1 бол.; Уругвай — 60 ур. сент.; Парагвай — 10 гуар.; Чили — 100 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 75 фр. фр.; Бельгия — 10 бельг. фр.; Швейцария — 1 шв. франк; Германия — 75 пф.; Иран — 15 риал; Австралия — 1 ш. 6 пенс. австр.; Марокко — 75 фр.; Италия — 200 лир; Голландия — 0.65 гульд.; Швеция — 1 шв. кр.; Греция — 4 др.

ПО ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ

САСШ и Канада — 35 цент.; Бразилия 15 круз.; Венесуэла — 1.25 бол.; Парагвай — 12 гуар.; Чили — 150 чил. песо; Франция — 115 фр. фр., Германия — 1 нем. марка; Голландия — 1 гульден; Греция — 8 др.

В розничной продаже и при подписке — цена номера одинакова. Подписка принимается Редакцией «Нашей Страны» и ее представителями на определенное количество порядковых номеров.

Подписную плату настойчиво просим вносить не менее чем за десять номеров вперед.